

ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ДРУГИЕ НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

18—24 августа 1971 г. в Москве проходил XIII Международный конгресс по истории науки, собравший более 2000 участников из 40 стран. На конгрессе работало 12 секций, 14 коллоквиумов, 5 комиссий, 3 комитета, трехдневный Кеплеровский симпозиум, на которых в целом было прочитано более 700 докладов¹.

Гуманитарным исследованиям была специально посвящена особая секция (секция 10). Она называлась «История наук о человеке (антропология, психология, социология, этнография)». Однако значительное число докладов на других секциях и коллоквиумах касалось тех или иных аспектов «наук о человеке». Большое теоретико-методологическое значение имели и общие науковедческие доклады, ряд положений которых бесспорно может и должен быть использован при дальнейшей разработке истории и теории этнографии и антропологии. Поэтому в нашем обзоре мы касаемся не только собственно антрополого-этнографических докладов, но и материалов гуманитарного, биологического или географического профиля, по проблематике близких этим наукам, а также тех общетеоретических докладов, которые имеют отношение к теории, методологии и истории этнографии и антропологии.

В данном обзоре нам также хотелось бы подчеркнуть, как важно для историка науки изучать проблемы человека, каких бы дисциплин он не касался. Одной из основных задач является определение места той или иной науки в общей истории человечества. Прекрасно выразил эту идею связи подлинной науки с проблемой человека болгарский ученый А. Стойков, выступая на 10-й секции: «В ходе тысячелетнего развития науки,— сказал он,— проблема человека имела первостепенное значение.

¹ Все материалы конгресса были опубликованы под грифом «XIII Международный конгресс по истории науки» в нескольких вариантах. Пленарные доклады и доклады на коллоквиумах и симпозиумах отпечатаны в виде отдельных брошюр (в скобках в тексте мы даем только страницы). Каждая секция имела опубликованные тезисы докладов, включенных в программу (в ссылках даем указание на секцию и страницу, например: Секция 10, стр. 7). Если секция имела подсекцию, то тезисы соответственно печатались в брошюре данной подсекции (в скобках указываем секцию и подсекцию по первому слову из ее названия). Тезисы докладов, включенных в повестку дня сверх программы, опубликованы в следующих изданиях: «Сборник секционных тезисов (дополнения)» (в ссылках: Доп., стр.), «Материалы по общим вопросам истории науки. Материалы по истории и перспективам системного подхода и общей теории систем» (в ссылках: Мат. общие, стр.), «Материалы по истории геолого-географических наук» (в ссылках: Мат. геогр., стр.). Ссылки на доклады, тезисы которых не вошли ни в одно из названных изданий, и на выступления по докладам даются по личным записям и по протоколам секций. Помимо указанных вышли и некоторые другие публикации, которые в тексте статьи не упомянуты, поэтому мы их не называем и здесь.

Да и наука развивалась не сама по себе. Она всегда имела в виду человека в его самой тесной связи и взаимодействии с обществом, его растущие потребности, его познания, его стремления (Доп., стр. 39).

В работе конгресса можно, на наш взгляд, выделить три основные направления: 1) дальнейшее углубление теории и методологии как науковедения в целом, так и отдельных научных дисциплин; 2) расширение конкретных знаний в области истории каждой науки; 3) поиски интегрального подхода к изучению явлений живой и неживой природы, к универсализации наук, как неизбежного и необходимого противовеса растущей их дифференциации при точном разграничении предмета каждой науки. В большинстве представленных докладов история науки связывалась с разработкой конкретных текущих проблем, с будущим науки вообще и отдельных наук в частности. В ряде докладов (например, у Б. М. Кедрова) было отмечено, что если раньше наука открывала законы явлений, уже известных в той или иной мере человеку, то теперь речь идет об овладении прежде совершенно неизвестными явлениями.

Открывая конгресс, его президент академик Б. М. Кедров сформулировал пять основных принципов истории науки: принцип историзма, принцип перспективности, детерминизм, принцип интегральности и, наконец, многоплановость, в которой и проявляется интегральность мировой науки².

В данной статье мы остановимся прежде всего на работе секции № 10 «История наук о человеке». Ее работой руководили этнограф Ю. П. Аверкиева вместе с психологом М. Г. Ярошевским.

Ряд ведущих советских этнографов в своих докладах по истории и методологии науки обрисовал положение этнографии среди других наук и осветил ее задачи и методы.

Ю. П. Аверкиева в докладе «О значении понятий этнология и антропология в истории наук о человеке»³ рассмотрела этапы развития этнографии и антропологии. Она показала, что этнография (вначале этнология) зародилась как универсальная наука о человеке. Идейной основой такого понимания этнографии был философский антропологизм. Ю. П. Аверкиева отметила, что «ошибкой философского антропологизма было понимание человека как биологического существа с абстрактной, извечно данной и неизменной сущностью». Ю. П. Аверкиева проанализировала историю термина «социальная антропология», показав ошибочность отождествления этой науки с антропологизмом или философской антропологией, осветила основные черты структурно-функционального метода, который некоторые авторы пытаются представить в виде самостоятельной и стройной социально-философской системы (например, Леви-Стросс, один из ее создателей). В докладе дан анализ содержания понятий «этнография» и «антропология» в разных странах и в разные периоды. «Этнология, этнография и культурная антропология в США,— говорит Ю. П. Аверкиева,— являются практически синонимами». Она устанавливает четкое соотношение между социальной антропологией и социологией, этнографией и историей. В целом Ю. П. Аверкиевой дана картина развития понятия «этнография» в широком смысле слова, включая все ее аспекты.

Доклад Ю. В. Бромлея «К вопросу о соотношении этнографии и истории культуры» был посвящен важной, еще не разработанной методологической проблеме. Поскольку этнография (этнология) — это наука об

² Б. М. Кедров, История науки и принципы ее исследования, «Вопросы философии», 191, № 9, стр. 78—89 (вышло также отдельное издание доклада в материалах конгресса); см. также: Э. М. Мирский, Форум историков науки, «Вестник Академии наук СССР», 1972, № 1, стр. 51—56.

³ Положения доклада развернуты в статье Ю. П. Аверкиевой «Этнология и культурная (социальная) антропология на Западе», «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 9—16.

этносах, а «главным носителем этнических свойств является культура в широком смысле слова», необходимо поставить вопрос о критериях разграничения этнографии с другими дисциплинами, занимающимися изучением культуры. Ю. В. Бромлей предложил убедительный принцип разграничения этнографии и истории культуры, для чего используется введенное им понятие «этнографического ядра», содержащегося в каждой культуре. В «этнографическом ядре» культуры входят «те ее компоненты, для которых характерны традиционность, повседневность и массовость», т. е. элементы, составляющие так называемую народную культуру (Секция 10, стр. 7). Именно в этом «этнографическом ядре» наиболее отчетливо проявляются этнические функции культуры и ее этнодифференцирующие свойства. «Соответственно специфика этнографического подхода к культуре, — сказал Ю. В. Бромлей, — и определяется рассмотрением ее сквозь призму этих функций» (там же, стр. 7—8). Докладчик отметил, что предметом «отраслевых историко-культурных дисциплин являются прежде всего идеологические и эстетические функции культуры; но поскольку «этнические функции народной культуры теснейшим образом связаны с ее остальными функциями» (там же, стр. 8), то отсюда и взаимопереплетение этнографии со смежными культуроведческими дисциплинами. Докладчик считает, что исследования, где упор делается на общее в культуре, — это область культурологии; там же, где упор делается на особенное — в данном случае этнически специфическое, — там область этнографии.

Следует отметить, что при введении понятия «этнографическое ядро» при характеристике народной культуры неизбежно также возникает вопрос о том, в какой мере сохраняется это ядро в условиях распространения современной технической культуры, унификации многих элементов материальной и духовной культуры, растущего обмена культурными ценностями, т. е. вопрос о мере сохранения этничности каждого народа.

Докладчик выдвинул положение, что этнография — не совокупность разных дисциплин и не супердисциплина, а специфическая наука, которая должна коррелироваться со смежными дисциплинами, в том числе и с антропологией.

Доклад «О соотношении этнографии и антропологии» был представлен С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым. Авторы показали различие предметов обеих наук. Этнография — наука историческая, общественная, изучающая народы, их быт, культуру; антропология — наука биологическая; она исследует вариации физического типа человека во времени и пространстве. Общее в этих науках то, что они рассматривают процессы, которые протекают в больших человеческих коллективах — этнических, популяционных и расовых. Авторы выдвинули два оригинальных положения, которые легли в основу защищаемой ими теории этноса: во-первых, «пространственная стабильность и временная преемственность таких коллективов основывается, главным образом, на связях информационного характера» (Секция 10, стр. 5); во-вторых, «все виды этих процессов — в первую очередь процессы этнического разделения и объединения (консолидации, ассимиляции и интеграции), стимулирующие возникновение и разрушение генетических барьеров, в значительной степени определяют конкретную историю человеческих популяций от мельчайших изолятов до человечества в целом» (стр. 6). Плодотворное исследование многих основных проблем: происхождения человека и общества, геногеографии и расообразования, истории семьи и брачных отношений (в частности экзогамии и эндогамии), этногенеза и национального развития, как показано в докладе, возможно только при использовании методов обеих наук — этнографии и антропологии.

В. В. Покшишевский представил доклад «Взаимодействие географии и этнографии с древности до наших дней». До XVI в., сказал докладчик, страны и народы изучались слитно, в рамках географии. Начиная

с XVIII в. успехи естествознания ориентировали географию главным образом на изучение природы или комплексные географо-статистические описания. Во второй половине XIX в. произошло становление этнографии как самостоятельной общественно-исторической науки, что связано с именами Бахофена, Тэйлора, Моргана, Энгельса (здесь мы добавили бы имя Н. И. Зибера), Фрэзера, Леви-Брюля. В процессе отделения от географии и от физической антропологии постепенно определялся предмет этнографии. Докладчик провел интересный анализ соотношения географии и этнографии в различных научных школах: от упрощенного преувеличения роли географической среды (в антропогеографии Ратцеля) через концепцию «духа народа», влияющего на материальные черты его жизни (у Мейтцена), через французскую школу «географии человека» и различные варианты диффузионистских воззрений до пренебрежения географией (современные функциональные, психологические, структурные направления). В. В. Покшишевский, проследивший взаимодействия географии и этнографии, показал, что география — это система научных дисциплин. Часть из них изучает общественные закономерности и взаимодействует с этнографией либо прямо (этногеография), либо опосредованно (например, исследование влияния хозяйства на этносы и этносов на хозяйство). Другая часть географических дисциплин изучает природу, причем и здесь имеются точки соприкосновения с этнографией: «например через «вещественный состав» географической среды, влияющей на конкретные черты материальной культуры» (Секция 10, стр. 21).

«Фольклористика и этнография» — такова тема доклада К. В. Чистова. Определив фольклористику как науку об устном народном поэтическом творчестве⁴, докладчик выступил против понимания фольклористики как чисто филологической или чисто этнографической дисциплины. В докладе выдвинуто положение о том, что фольклористика является одновременно наукой и искусствоведческого (точнее, литературоведческого, так как фольклор прежде всего связано со словом), и этнографического характера, поэтому, будучи вполне самостоятельной наукой со своим предметом исследования, «она может рассматриваться и как одна из органических составных частей этнографии, и как одна из составных частей литературоведения». Аргументы К. В. Чистова убедительно, на наш взгляд, подтвердили его тезис о том, что фольклористика — «пограничная наука» по самому своему существу, и в зависимости от задач исследования возможно ее отнесение или к филологии, или к этнографии.

Названные пять докладов советских этнографов представляют несомненный вклад в историю и теорию этнографии. На секции № 10 было также заслушано несколько докладов зарубежных ученых, посвященных общим вопросам.

М. Д. Бачваров (Болгария) выступил с докладом «Проблема человека — центральная проблема историко-философского исследования». Основные его положения не вызывают сомнений.

Вместе с тем представляется, что в философском плане тема может быть расширена, ибо человек — лишь одно из проявлений жизни во Вселенной; на современном уровне наших знаний — высшее ее проявление. И если в историческом плане проблема человека (и человечества) является главной для исследователя, то в философском плане на первое место выдвигается проблема жизни во Вселенной.

Чрезвычайно интересным был доклад А. Стойкова (Болгария) «По поводу проблемы „Человек и науки об искусстве“», для которого был характерен глубокий гуманистический подход к пониманию места науки

⁴ К. В. Чистов, О взаимоотношении фольклористики и этнографии, «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 17.

в истории человечества. Задачи всех наук, по мнению докладчика, — помочь человеку познать природу и себя. Указывая также на бурное развитие науки и техники в наши дни, А. Стойков призывал к усилению взаимосвязи этнографии, антропологии, социологии с историей искусства, эстетикой и психологией искусства, а поскольку три последние науки раскрывают определенную сторону способностей человека, то через них возможен переход к наукам, пограничным с естественными (например, с антропологией, психологией) и, далее, к естественным наукам, ибо человек — творение природы. Построив, таким образом, логическую цепь «человек — наука — общество — природа», докладчик подчеркнул роль ученого и его свободной мысли в прогрессе науки и привел в пример Ф. Бэкона, М. В. Ломоносова, А. Эйнштейна, Ф. Жолио-Кюри, Д. Бернала, научное творчество которых было свободным от предвзятых истин, что в немалой степени позволило им сделать великие открытия, направленные на благо человека, на всеобщее процветание.

Н. Мизов (Болгария) выступил с докладом «Методологический взгляд на историю религии», где высказывается мысль, что в историю религии нельзя включать историю атеизма — это разные науки. Сама религия появляется как экзогенный феномен, а затем развивается по своим эндогенным законам. Атеизм же — совершенно самостоятельное явление, особый тип мышления, особый подход к окружающему миру. О связи религии и атеизма можно говорить только в негативном смысле: религия отрицает атеизм, атеизм не признает религии. Докладчик выдвинул три принципа исторического познания религии как особого феномена: системно-структурный, генетико-этапный и религиозно-пространственный. Все эти положения интересны как для истории религии, так и для этнографов и заслуживают широкого и детального обсуждения.

Ряд докладов на 10-й секции носил конкретный характер и раскрывал неизвестные или забытые стороны в развитии наук о человеке: некоторые были посвящены роли ученых России, другие касались отдельных сюжетов из истории этнографии, демографии и антропологии.

О Николае Ивановиче Зибере (1844—1888) рассказал Ю. В. Маретин в докладе «Русский марксист XIX в. Н. И. Зибер и значение его работ для первобытной истории». Докладчик отметил большую роль Н. И. Зибера в пропаганде экономических идей К. Маркса в России в 1870—1880-е годы и показал, что Н. И. Зибер был первым из историков, этнографов и экономистов, применившим марксово материалистическое понимание истории к ранним этапам развития общества. «Очерки первобытной экономической культуры» Н. И. Зибера (1883), в котором с материалистических позиций были рассмотрены основные вопросы общинно-родового строя, непосредственно предшествовали работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). На этот факт обращали внимание в своих работах П. И. Кушнер, С. И. Токарев. Изучая формы коллективного труда, начиная с самых примитивных форм кооперации и до более сложных (различные формы земледельческой общины), ученый пришел к выводу, что на ранних ступенях развития общинные формы хозяйства были универсальными, и отсюда сделал вывод о наличии коллективной собственности и коллективного потребления на этих стадиях. По мнению докладчика, Н. И. Зибер является создателем такой этнографической субдисциплины, как «экономическая антропология», опередив, таким образом, на полстолетия западных ученых — Б. Малиновского, М. Херсковича и др.

Л. А. Шур сделал доклад «Роль русских ученых в истории этнографического изучения Калифорнии (первая половина XIX в.)». Докладчик рассказал о ряде русских ученых и путешественников: В. М. Головнине, О. Е. Коцебу, А. П. Лазареве, М. Н. Васильеве, Н. Д. Шишмареве, Ф. Ф. Матюшкине, Ф. П. Литке, К. Т. Хлебникове, Ф. П. Врангеле, П. Шелехове, П. Костромитинове, И. Г. Вознесенском.

Автор убедительно показал, что собранные ими богатейшие этнографические коллекции (их основная часть хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде), путевые дневники и записки представляют собой ценный, а зачастую и уникальный этнографический источник. Л. А. Шур говорил о необходимости активно публиковать рукописные материалы, которые хранятся в архивах, чтобы научное наследие классической эпохи русской американистики учитывалось в современных этнографических исследованиях.

А. Д. Дридзо в докладе «Африканистика и латиноамериканстика в Прибалтике (XIX — начало XX в.)» напомнил о незаслуженно забытых прибалтийских ученых Х. Тийсман, Э. Овийр, Л. Блумер и др., работавших в Африке и впервые исследовавших культуру некоторых африканских народов. Некоторые из прибалтийских ученых совершили в XIX в. путешествия в страны Южной Америки (Ю. Юриссон, Е. Сиверс), а К. Берг долго работал там. Их работы имеют значение первостепенного историко-этнографического источника.

К одной из страниц истории зарубежной этнографии обратилась С. А. Маретина в докладе «Британская школа в изучении общественно-го строя малых народов Северо-Восточной Индии». История этих народов имеет весьма важное значение не только для этнографического изучения самой Индии, но и для теории развития общества на ранних его этапах. С. А. Маретина проследила историю изучения малых народов Индии различными учеными, в подавляющем большинстве англичанами. Отмечая большую фактологическую базу этих работ, она показала их методологическую ограниченность: преимущественное внимание к первобытнообщинным институтам (в основном родовым), рассмотрение социальной надстройки вне связи с экономическими процессами, описание общества в статике. Лишь в последние два-три десятилетия появились исследования, показывающие динамику развития общественного строя малых народов Индии.

К. Фройтик (Чехословакия) в докладе «Зарождение интереса к изучению быта рабочих Богемии и Моравии в XIX в.» раскрыл неисследованную страницу чехословацкой этнографии. В первой половине XIX в. чехословацкие этнографы не изучали жизнь рабочих. В 1830—1840-е годы появились первые публикации, главным образом об условиях труда и быта рабочих, а со второй половины XIX в. — статьи о жизни рабочих отдельных отраслей промышленности. Этнографическим описанием рабочего быта является анонимная работа о жилищных условиях рабочих в Брюнне (Брно), снабженная ценными для этнографа фотографиями. Материалы о жизни рабочих были отражены и на чехословацкой этнографической выставке 1895 г.

А. А. Раков в своем выступлении «Роль социально-экономических факторов в историческом формировании демографических структур» воспользовался понятием «демографическая энтропия», рассматривая это понятие как итог взаимодействия демографических, экономических, технических и иных факторов. Докладчик дал анализ переписей в нашей стране 1897, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг., выделив «демографические энтропии „сельские“ и „городские“». Представляется, что такая попытка, целью которой является учесть максимальное число социально-экономических факторов, взятых в динамике и взаимодействии, для суждения о демографической ситуации, может считаться перспективной. Следует, однако, учесть поправку С. И. Брука, который показал, что демографическая ситуация обладает относительной самостоятельностью.

П. Н. Боев (Болгария) во внепрограммном докладе «Символическая трепанация и этногенез болгар» показал на собранном им полевом материале, а также на литературных данных, что символическая трепанация была характерна для родственных гуннам протоболгар, прошедших с середины I тысячелетия н. э. до конца VII в. от Средней Волги

через Северный Кавказ, Украину и Молдавию на Балканский полуостров. Славянские народы, жившие до прихода протоболгар на территории современной Болгарии, заимствовали этот обычай у пришельцев, с которыми, согласно П. Н. Боеву, этногенетически связаны и венгры.

З. Т. Илларионов в своем докладе «К вопросу о принципах исследований по историографии палеолитического периода всеобщей истории» говорил о необходимости синтеза наук, занимающихся древним человеком (этнографии, антропологии и археологии).

Ведущим дисциплинам должны помогать многие субдисциплины — палеопсихология, палеопатология, рентгенология, минералогия и многие другие. Докладчик справедливо сожалел о почти полном отсутствии ученых, которые в равной мере владели бы естественными и социальными аспектами изучения человека. Он предложил создать «Центр по изучению палеолита», где совместно работали бы ученые разных специальностей.

Доклады, посвященные проблемам социологии и психологии, представляли определенный интерес, но носили случайный характер. Социологической тематике были посвящены три доклада румынских делегатов и один доклад французского делегата. Румынские ученые В. Куртикапяну и Т. Помпилиу рассказали о румынской исторической науке и показали постепенное выдвигание и победу марксистской исторической мысли. Г. Зане и Г. Добре выступили с докладом «Общая характеристика развития румынской экономической мысли». Их главная идея заключается в том, что экономическая наука развивалась в Румынии в тесной связи с потребностями страны и в контакте с европейской наукой. Докладчики отметили, что уже в конце XIX в. в Румынии началось становление марксистской экономической мысли. В заключении доклада были обрисованы задачи, стоящие в настоящее время перед румынской экономической наукой. В. Константинеску выступил с докладом «Теоретические и исследовательские координаты на материале румынской социологии», в котором подчеркнул роль марксизма в современной румынской социологии. Доклад А. Ги (Франция) был посвящен современной испанской социологии (Тезисы историко-социологических докладов см.: Доп., стр. 9—11, 18, 48—49).

Психологи предложили вниманию собравшихся 7 докладов⁵.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на выступлениях социологов и психологов, отметим лишь, что на будущих конгрессах по истории науки хотелось бы услышать доклады об истории таких субдисциплин социологии и психологии, как этносоциология и этнопсихология, которые находятся на границе между названными науками и этнографией. Большой интерес будут представлять также ориентированные на этнографию доклады по истории и теории структур, системному подходу и другим новым методологическим направлениям научных исследований. Это позволило бы более целостно представить историю наук о человеке, учесть последние (или, по крайней мере, недавние) тенденции в ее развитии.

После докладов на секции № 10 развернулась дискуссия, в ходе которой обсуждались проблемы взаимоотношения наук о человеке с другими науками, границы применения в науках о человеке современных понятий (система, структура, код и др.). Многие выступления в дискуссии носили общетеоретический характер. Так, весьма ярким было выступление Ю. Б. Стракача, отметившего, что человек — сложная машина на стыке биосоциальных наук. Поэтому при его изучении биологические науки должны быть представлены не только физической антропологией

⁵ См.: В. Л. Латкин, И. Семенов, Психологическая проблематика на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Вопросы психологии», 1972, № 1.

или медициной, но и другими дисциплинами. Ю. Б. Стракач выразил сожаление, что в работе секции не были отражены материалы по экологии человека. Отметив открытие биологического кода и биопрограмм, выступавший призвал к работе над открытием «социопрограмм», «социокодов», которые, по его мнению, заключаются в традициях. Поддерживая это выступление, Н. Н. Чебоксаров отметил большую роль традиций в становлении и сохранении этноса, что соответствует и антропогенетическим данным: например, академик Н. П. Дубинин ставит вопрос о наличии биосоциальной программы, о генетическом наследовании некоторых социальных навыков. Н. Н. Чебоксаров сказал, что на секции была слабо представлена тематика физической антропологии — пограничной науки между биологическим и гуманитарным комплексом, ощущался пробел в историко-методологических докладах по физической антропологии.

М. Г. Рабинович рассмотрел проблему этнографического подхода к историческим источникам.

С. А. Ревинг сказал, что представления о природе человека служат исходным моментом для формирования любой из наук о человеке. Следовательно, история наук о человеке может быть понята как историческая конкретизация и развитие таких представлений. Эти же последние отражаются в исторической эволюции взаимосвязи трех философско-психологических параметров — детерминизма, свободы воли и ответственности. Соответственно автор выделил четыре периода в этой эволюции, полагая, что характер наук о человеке в каждый из периодов определяется именно состоянием названных параметров: 1) античный — фатализм, 2) средневековый — свобода воли в рамках божественной предопределенности и ответственность перед богом, 3) новый — атеизм, волюнтаризм и личная ответственность, 4) новейший — распространение марксистских научных представлений и ответственность человека перед обществом. Такой критерий для всеохватывающей характеристики наук о человеке, с нашей точки зрения, справедлив лишь частично, а главное — он касается лишь философии и не может быть распространен, например, на этнографию и антропологию.

Несомненный интерес для антропологов и этнографов имеют работы историков биологических наук, представленные на коллоквиуме «Эволюционная теория и генетика», и доклады, представленные на секции № 9 «История биологических наук (включая теоретические основы медицины)». Общий обзор состояния современной биологии и ее задач сделал на пленарном заседании Ж. Кангилем (Франция) в докладе «К истории наук о жизни после Дарвина». В сжатой и яркой форме автор показал роль блестящей плеяды ученых последарвиновского периода, в первую очередь генетиков, труды которых экспериментально подтвердили эволюционную теорию Дарвина. Автор особо подчеркнул, что «наши современные знания о строении и функциях живой материи основываются на последовательном сочетании и координации данных, полученных различными биологическими дисциплинами, с данными формальной генетики» (стр. 11). В докладе высказана мысль, что успехи биологических наук последнего периода были бы невозможны без интенсивного внедрения современной научной техники в исследования.

На коллоквиуме «Эволюционная теория и генетика» внимания антропологов и этнографов заслуживают доклады А. Е. Гайсиновича «Проблемы изменчивости и наследственности в русской биологии на рубеже XIX и XX веков», Л. Кузьницкого (Польша) «Отношение между эволюцией и генетикой», В. Н. Сойфера «Развитие структурно-молекулярных принципов в генетике и эволюции»⁶.

⁶ М. С. Гиляров, Биологические проблемы на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Журнал общей биологии», т. XXXII, 1971, № 6.

Можно отметить растущее внимание к изучению влияния экологических факторов на жизнь человека. Об этом говорилось на разных секциях (особенно на секциях биологического цикла). Этой проблеме посвятил специальный раздел своего доклада на втором пленарном заседании делегат И. Малецкий (стр. 7—8).

Ряд докладов на коллоквиуме «История изучения и освоения Сибири» и на секции 8 «История наук о Земле» (особенно об истории географических открытий) касается не только проблем исторической географии, но и исторической этнографии. По тематике они смыкаются с некоторыми докладами секции «История наук о человеке». В докладе А. П. Окладникова и И. М. Колмогорцева (он не был зачитан) «Наука в Сибири — итоги и перспективы» дана широкая картина современного состояния научных исследований в Сибири, в том числе и гуманитарных. Доклад Е. Винтера (ГДР) — «Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720—1727)». Мессершмидт действовал в годы, когда, по словам докладчика, Россия шла «по пути прогресса, указанного Петром I» (стр. 10, 11). В докладе показан огромный вклад, сделанный Мессершмидтом в изучение Сибири, в том числе в изучение населяющих ее народов. Докладчик сообщил о том, что сделано в ГДР для изучения трудов Мессершмидта, и призвал советских и немецких ученых совместно изучать научное наследие выдающегося ученого. Исследованию Сибири был посвящен также доклад Ю. Бабича и Б. Ольшевича (Польша) «Польские путешественники и исследователи Сибири» о путешествиях поляков по Сибири, начиная с Бенедикта Поляка, совершившего поездку через Сибирь в 1245—1247 гг. вместе со знаменитым Плано Карпини, и до начала XX в.

Не только историкам и географам, но и этнографам адресован ряд докладов на Секции № 8 «История наук о Земле». А. И. Эндзинас в докладе «География изготовления железа по данным балтийских племен» показал, что балтийские племена познакомились с железом приблизительно в VII—V вв. до н. э.; докладчик проследил развитие и распространение способов обработки железа на территории Прибалтики по ономастическим данным. Аналогичной теме посвящен и доклад К. А. Мкртчяна «Из истории древнего горнорудного производства и металлургии Армении», в котором материал охвачен в широких хронологических рамках — от древнейшей эпохи (VII—IV тысячелетия до н. э.) до эпохи господства железа (V в. до н. э.—II в. н. э.). Интересны для этнографов также доклады Л. А. Гольденберга и В. П. Федчиной «Русская картография XIV—XVII вв. в исследованиях советских ученых», А. И. Алексева «Географические итоги путешествий И. Г. Вознесенского по Северной Америке и Дальнему Востоку в 1839—1849 гг. (по материалам архивов СССР)», С. У. Умурзакова и Р. Л. Югая «Об участии и роли коренного населения в географическом изучении Средней Азии (XIX — начало XX в.)», Э. Бернляйтнера (Австрия) «Герберштейн и его карта России», Э. Волльгаста (ГДР) «Картина России в „Книге мира“ Себастиана Франка, 1534», А. А. Асланян «Армянские путешественники в Эфиопии», В. Слабозинского (Польша) «Польский вклад в географические открытия и исследования за пределами Европы и Сибири», К. Випиха (Польша) «Ян Станислав Кубары — польский исследователь Микронезийских островов», Д. У. Уотерса (Англия) «Размышления о путешествиях капитана Джеймса Кука в Тихом океане, 1768—1780», а также теоретический доклад Б. Н. Лиханова «Историческая география в познании взаимодействия природы и общества».

Для истории наук о человеке большое значение имели также работа Секции № 1 «Общие проблемы науки и техники» и секционного коллоквиума «История и перспективы развития системного подхода и общей теории систем», Секции № 2 «История организации научных исслед-

дований», коллоквиума «Личность ученого в истории науки»⁷. Особый интерес широкого круга ученых вызвал «системный коллоквиум». По системным исследованиям было заявлено 54 доклада — 18 зарубежных и 36 советских. Для их анализа необходимы специальные статьи. Здесь мы коротко остановимся на самых основных положениях этой теории и коснемся лишь тех докладов, которые прямо связаны с гуманитарной проблематикой.

Согласно системному подходу, наряду с «науками о вещах» важную роль играет наука «об отношениях между вещами»; ориентация же на изучение изолированных предметов — это метафизика. Общая теория систем (ОТС) является метатеорией, так как любой объект науки может быть представлен в виде системы. ОТС граничит и часто перекрещивается с такими новейшими научными направлениями, как теория информации, кибернетика, учение об организации, теория структур. Системный подход тесно связан со структурно-функциональным методом. ОТС создает предпосылки для установления более прочных и постоянных связей между общественными и естественными науками, особенно социальными и биологическими, так как эта теория изучает «живые системы». При изучении социальных явлений становится очевидным наличие серии подсистем, которые подлежат изучению как сами по себе, так и в рамках социальной макросистемы (или, точнее, социального уровня систем); при этом изучаются объем, степень организации и время возникновения этих подсистем и их микроэлементов. Такой подход вписывается в рамки марксистско-ленинской философской теории и методологии, являясь дальнейшим развитием марксистского диалектического метода, разумеется, при подлинно марксистской интерпретации выводов.

Примером применения системного подхода к конкретному этнографическому материалу явились выступления Н. С. Думитру и И. Л. Андреева на Секции № 10.

Н. С. Думитру (Румыния) в докладе «Эволюция антропологии, ее актуальные проблемы как биосоциальной дисциплины и вклад в синтез современной науки», рассмотрел общество как систему и выделил три кардинальных фактора: 1) техника и технология производства; 2) экономический механизм саморегуляции этой системы; 3) совокупность общественных отношений. Соответственно докладчик выделил три этапа, показывающие, как человек овладевал этими факторами: 1) промышленная революция и восходящее развитие капитализма означает овладение первым фактором; 2) становление пролетариата как «класса для себя», победа социалистической революции и организация общества на новой экономической основе означают овладение вторым фактором; 3) полная реализация всех возможностей социальной системы и человеческого индивидуума на этапе социализма и затем коммунистического общества означает овладение третьим фактором. На каждом новом этапе выдвигаются новые науки, а в практику вливается новый поток научной информации. Докладчик рассмотрел также роль антропологии (в широком смысле слова) на каждом из этапов. Он считает, что задачей антропологии является изучение биологического и социального в их взаимодействии, изучение социальных результатов психологических явлений и дальнейшего взаимодействия биологического и сложившегося уже социального. Таким образом, в докладе Н. С. Думитру антропология наделяется чертами модной на Западе теории, так называемой философской антропологии, выступающей как некая метатеоретическая наука. На схемах (заметим, что они были весьма нечеткими) докладчик пытался показать

⁷ В. П. Визгин, А. И. Володарский, А. А. Печенкин, В. Л. Рабинович, Методологические проблемы на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Вопросы философии», 1971, № 12, стр. 245—254, В. Латкин, И. Семенов, Указ. раб., стр. 182—184.

роль такой «метаантропологии» в объяснении сочетания «материального уровня» (производительные силы, техника) с «совокупностью общественных отношений» (производственные отношения) в единой системе через «экономический механизм саморегуляции этой системы». История антропологии, по мнению докладчика (т. е. этнографии в широком смысле слова), должна показать не только картину развертывания ее как дисциплины, охватывающей все новые и новые аспекты биосоциальной жизни человека, не только предусмотреть будущие проблемы, но и продемонстрировать практическую ее значимость: «Информация данной науки,— сказал Н. С. Думитру,— включается в структуру управления социальными процессами». Автор считает, что антропология «даст психологии, социологии и даже истории структурно-генетические понятия (выработанные на основе многостороннего исследования скачка от биологического к социальному); сыграет важную катализирующую роль в осуществлении синтеза современной науки, будет шагом в выработке единого для естественных и общественных наук, проникнутого историзмом логико-методологического аппарата» (Доп., стр. 62). Ряд выступавших (О. М. Тутунджян, Н. Н. Чебоксаров) отметили, что не следует считать антропологию (т. е. этнографию в широком смысле слова) «наукой наук», ибо каждая наука имеет свой предмет и метод; их объединяет философский подход — материалистический или идеалистический, «антропологического» же подхода как метода объединения биологических и общественных наук пока не существует, и попытка Н. С. Думитру представляется пока преждевременной и декларативной.

И. Л. Андреев в докладе «Перспективность системного подхода к смежным областям этнографии и древней истории» остановился на соотношении кровнородственных и функционально-корпоративных связей в эпоху разложения первобытной формации и выдвинул гипотезу, что те и другие связи можно рассматривать соответственно как формальные и неформальные организации. Это позволяет применить к этнографическому материалу теоремы общей теории систем, при этом структуры первого типа сосредоточивают в себе статику, а структуры второго типа — динамику социальных систем исследуемой эпохи. Кровнородственный тип организации в принципе сохраняет свою «архитектуру», будь то матрилинейный, патрилинейный род или его сегменты. Функционально-корпоративные же организации (и стадийные — возрастные братства, мужские и женские союзы, тайные ритуальные общества, и специализированные — культовые, военизированные, профессиональные) противопоставляют «ограниченности и неподвижности» кровнородственных организаций «централизацию и динамизм по отношению к изменениям среды и процессам внутренней перестройки» (Мат. общие, стр. 30). Таким образом, сказал И. Л. Андреев, «речь идет о качественно новой — внеродственной — ориентации социальных связей, в рамках которой интеграция различных социальных групп осуществляется на почве дифференциации общественных функций в процессе разделения труда». Докладчик кратко остановился на взаимосвязи кровнородственных и функционально-корпоративных организаций в структурном, функциональном и генетическом аспектах. По его мнению, «дополнение до сих пор преимущественно феноменологического амплуа этнографической науки и древней истории гносеологическими средствами системного анализа, без сомнения, будет означать их вступление в новую стадию своего развития».

Сошлемся, наконец, еще на доклад И. М. Бакиштейна и В. М. Петрова «Научно-технический прогресс и типология культуры», в котором развивалось представление о культуре как о системе — едином устойчивом типологическом образовании, состоящем из подсистем. При этом «носителем-посредником» связей между подсистемами служат феномены из социально-психологической области (Секция 1, стр. 3). Иначе говоря, всестороннее изучение культуры предполагает включение ряда дисциплин

лин исторического и биологического циклов. Это показывает, сколь широка сфера применения методологии системного подхода в гуманитарных исследованиях⁸.

Зарубежные ученые, участвовавшие в работе общих секций по истории и методологии наук, продемонстрировали несомненный интерес к историческому материализму. Стоит перечислить лишь названия некоторых докладов: Р. Н. Деннис (Англия) «Исторический материализм и историография науки», П. М. Джордж (Канада) «Историчность: забытое измерение в социальных науках», Р. Гумпшенберг (Австрия) «История науки как диалектика»; В. Штрубе (ГДР) «О связи исторического и историографического феноменов» и др.

Системные исследования пришли в гуманитарные из естественных наук (в биологии это понятие впервые применил фон Бергаланфи). На конгрессе отмечалось и воздействие социальных наук на естественные. Об этом говорилось, например, в докладе А. Хауффельдта (ГДР) «Чем и каким образом общество определяет историческое развитие естественных наук». Иногда это влияние преувеличивалось. Так, Р. М. Янг (Англия) в докладе «Эволюционная биология и идеология» пришел даже к выводу, что «методы интерпретации, которые применялись к исследованиям культуры, теологическим и социальным исследованиям... должны быть распространены на определения, которые человек дает природе и науке» и приводит крайнее утверждение: «Природа — социальная категория». (Секция 1, стр. 58).

Можно отметить тенденцию некоторых докладчиков придавать науке всеохватывающее значение, приписывать ей роль некоего demiурга действительности, например, доклад «Наука как фактор социальной структурации» Адины-Габриэлы Апостол (Румыния).

Огромное влияние науки на современное общественное развитие несомненно, однако нельзя приписывать ей всеобъемлющее значение, ибо наука — лишь одна из составных частей производительных сил общества и, как таковая, она участвует в социогонических процессах, при этом ее роль можно сравнить с ролью катализатора в химическом процессе. Именно об этом говорил во вступительном слове на открытии конгресса Президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш⁹.

Остерегаясь крайностей, подобных приведенным выше, мы должны признать, что развитие современной науки в настоящее время требует и от гуманитариев, в том числе и этнографов, освоения новых методов и понятий. Мы вполне согласны с философом и исследователем культуры Э. С. Маркаряном: «В настоящее время ощущается глубокая потребность социальных наук устойчиво ввести в собственный понятийный состав, с учетом своей предметной специфики, такие понятия как «энтропия», «негэнтропия», «адаптация», «открытая система», «информация» в их логическо-системной связи. Эти весьма широкие понятия как раз и призваны выступить в качестве важнейших теоретических связующих звеньев между различными группами наук, в том числе между науками естественными и общими» (Э. С. Маркарян, «Общая теория систем и проблема взаимоотношения социальных и естественных наук», Мат. общие, стр. 24).

⁸ Помимо названных выше, обращаем внимание специалистов гуманитарного профиля также на следующие доклады по теории систем: В. А. Геодакян «Теория систем и специальные науки», А. А. Игнатъев «К определению понятия системы», В. И. Кремянский «Понятие гиперструктуры и некоторые проблемы системного исследования», Н. Н. Каськов «Проблема унификации средств описания связей различных структурных уровней в общей теории систем», Г. Я. Портнов «Оценка систем параметрами второго уровня», В. Н. Садовский «Общая теория систем как метатеория», М. И. Сетров «Проблемы разработки функциональной теории организации», А. И. Уемов «Методы построения и развития общей теории систем», К. М. Хайлов «Тенденция развития общей теории биологических систем», Б. Г. Юдин «Становление и эволюция проблематики самоорганизации», Э. Г. Юдин «Философские аспекты системного подхода», а также доклад У. Бакли (США) «Системный подход в социологии».

⁹ См. изложение его речи: Э. М. М и р с к и й, Указ. раб., стр. 51—53.

Работа конгресса показала, что этнографы и историки этнографии, как и гуманитарии вообще, могут использовать большой объем знаний, накопленный науковедением при разработке проблематики негуманитарных наук. В этой связи надлежит более внимательно изучить материалы работы трех коллоквиумов: «Науковедение и история науки», «Личность ученого в истории науки» и «Роль логики и методологии науки в историко-научных исследованиях». Среди проблем, поставленных на этих эпистемологических коллоквиумах, отметим следующие: наука (и ее составные) как органическая часть общественного процесса воспроизводства; наука как система различных видов научной деятельности, включая оптимальную организацию этой системы научных знаний и методологию приобретения этих знаний; научная политика (включая политику в отдельных отраслях знаний); роль различных наук в прогнозировании как развития самой науки, так и развития общества и природы; роль личности ученого в истории науки; условия полноценного развития личности ученого.

В связи с последней из названных проблем отметим положение Д. Пелца, развитое Е. З. Мирской: «Исследования последнего времени показали, что для успешной работы в науке недостаточно соответствующего образования, аппаратуры, зарплаты — человеку необходимо быть ориентированным на научные ценности, на продвижение в науке, на признание в науке» (Е. З. Мирская «Влияние „классической“ модели ученого на современную научную деятельность», стр. 9). Важны также положения доклада И. Петерса (Польша), говорившего не только об интеллектуальной, но и о моральной подготовленности к научному творчеству. Убедительны положения А. Рошки (Румыния), сделавшего доклад «Творческое мышление. Пути его определения и развития», в частности, положение о роли коллектива в подготовке научного работника и в осуществлении научного открытия.

Наконец, отметим, что в разработке теории этнографии и антропологии как наук самостоятельных, определения их предмета, их границ и составляющих их субдисциплин, а также для определения форм взаимодействия и закономерности функционирования и образования этих субдисциплин и стыковых дисциплин, равно как и для написания истории этнографии как науки (а не как перечня имен, теорий, фактов), необходимо учитывать современные наукометрические и науковедческие методы, не проходить мимо положений новой общенаучной дисциплины — логики науки (см., например, доклады: А. А. Зворыкин, «Исследование науки как логической и информационной системы»; П. М. Родный, «Логика развития науки»; А. К. Щербаков, «Количественные закономерности в истории науки») ¹⁰.

И, естественно, в дальнейшей разработке теории и методологии гуманитарных наук, включая и этнографию, необходимо учитывать комплексность современной науки. В. А. Кардымов в интересном докладе «Универсализация научного познания — особенность современной науки» показал синтез двух процессов современной науки — дифференциации и интеграции. Это неизбежно ведет к построению наиболее общих эпистемологических, логических, математических и социологических концепций, имеющих непосредственное значение и для практики. Автор подчеркивает необходимость применения методов нескольких наук к одному объекту. Это ведет к взаимопроникновению наук и, далее — к интеграции научного знания. В этом процессе большую роль играют математизация и формализация информации, а также моделирование. О важнейшей в настоящее время проблеме интеграции знаний говорили В. И. Бо-

¹⁰ Для гуманитарных исследований представляют интерес некоторые доклады, сделанные на Секции № 2 «История организации научных исследований». Анализ этих докладов в плане их применимости к развитию советской этнографии — тема особой статьи.

рисов в докладе «Современная тенденция интеграции знаний и принципы построения общей теории систем» и Р. Роххаузен в докладе «Развитие науки и классификация наук».

Проблема самостоятельности каждой данной науки и ее взаимосвязи со смежными науками ставилась и на других секциях во многих докладах. О гражданственности науки хорошо сказал американский физик и историк наук Джералд Холтон: «... в настоящее время существует возможность... сделать историю науки областью исследований, которые помогут определить и понять интеллектуальную и социальную роль самой современной науки» (стр. 4).

В целом работа конгресса была весьма плодотворной. Говоря о недочетах деятельности всех секций, следует отметить, что в ряде докладов не была выдержана его проблематика: выступавшие предлагали внимание участников конгресса не историю той или иной дисциплины или идеи, или проблемы, а конкретные выводы конкретных наук. Это замечание касается и работы Секции № 10.

Хочется надеяться, что на будущих конгрессах по истории науки проблемам истории собственно гуманитарных наук будет уделено одно из ведущих мест, ибо что иное вся Наука, как не результат труда и мысли Человека.

Данный конгресс обогатил гуманитарные науки новыми подходами, новыми концепциями, новыми методами, которые распространены в других науках. Это будет способствовать углубленному и всестороннему изучению человека, человеческих сообществ, человечества в целом — во имя, как сказал А. Стойков, постижения и создания мира по законам красоты (Доп., стр. 20). Немалая роль в познании места людей в мире принадлежит этнографии и антропологии.

Ю. В. Маретин

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОК ПРИ ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Три года подряд в июле в Калининской области работала экспедиционная группа, целью которой было собрать материал для подготавливаемого тома фольклорно-этнографического атласа «Русские», т. II, посвященного обрядам, обрядовому фольклору и свадьбе.

В эту группу вошли члены фольклорно-этнографического кружка, который каждый учебный год работает при ленинградском отделении Института этнографии АН СССР. Кружок этот имеет свою историю. Старейшие его члены начали посещать лекции по этнографии и фольклору еще при городском клубе «Россия», а когда этот клуб в 1968 г. перестал существовать, по их просьбе был создан кружок при институте. В работе кружка сочетаются три основных формы: лекция, семинар и экспедиция.

В настоящее время в кружке занимаются 10 человек. Все это взрослые люди, некоторые из них сочетают работу с учебой. Всех кружковцев объединяет любовь к живому народному слову, к быту и культуре русского народа — фольклору и этнографии.

Вступительное заседание провел доктор исторических наук зав. Сектором восточных славян К. В. Чистов. Он рассказал о предмете фольклора и этнографии и их взаимосвязи. С ноября 1968 г. по ноябрь 1971 г. состоялось всего 51 занятие. На одном из заседаний К. В. Чистов прочел лекцию о русских обрядах, а накануне экспедиции проводил инструктаж. Специалисты Института этнографии охотно делились своими знаниями с молодежью. Кружковцы прослушали следующие лекции по этнографии